

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

ПО КАМЕННОМУ ГРУНТУ

Рассказ

За перевалом, по берегу Черного моря, идут красноармейцы. Их много, целые тысячи. А еще больше идет с ними разного присталого народу: иногородних станичников, женщин, стариков, ребятишек... Все это погрузилось на широкие телеги - сами беженцы, сундучки, узелки, мешочки; кое-где выглядывает поросенок, красноголовый петух, собачонка... Пыль, скрип, непрестанная брань, переключка, лязг оружия, человеческий гомон. Позади, в станицах, озверелые казаки истязают оставшихся - тех, что не успели бежать. Лазят теперь по оставленным хатам, роются, ищут, растаскивают чужое добро... А вот в Новороссийске, так недалеко, они уж наставили виселиц, и этот прискакавший товарищ рассказывает, как они подводят пленного к перекладинам, заставляют его надевать на шею веревку и вешаться самому... Бр-р-р... Не одного, не двух - сотнями ведут под перекладины этих несчастных невольных самоубийц. Офицеры крутят усы, хохочут. Изредка плюют в лицо проходящим пленникам - так, как бы невзначай, как бы не разбирая: камень тут или человек. Они уже устали издеваться, ухмыляются да изредка покрикивают: "Ладно!.. Так-то сволочь!.." По городу рыщут "вольные" люди - им нет ни от кого запрету: куда зайдут, что возьмут, с тем и останутся. Они могут и голову снести безответно. Могут и дочурку-девочку изуродовать хмельной компанией - это никого не тронет: офицер посмеется над удалью лихого казака... Город утонул в пьяных парах, столах, кровавом запахе... Носится черная смерть, грызет бесконечные жертвы...

За перевалом идут красноармейцы - разутые, раздетые, без штыков, без патронов. Им нечем отбиваться от своры палачей, горами и ущельями отходят они на юг, где можно добраться до своих. Голодно. Хлеба нет. Уже давно они едят только желуди да кислицу... Лошадиные трупы усеяли путь - коням тоже нечем питаться: бесплодны и холодны горные скалы. То здесь, то там остается телега - ее некому везти. И у каждой телеги драма. Ребятишкам не успеть за красноармейцами. Мать не уведет их, не унесет - она сама чуть стоит на ногах. Остаться нельзя - наскочат, изуродуют озверелые казаки... А вон, посмотрите: в телеге остались двое малюток - одному года четыре, другому два... Глазки вспухли, красные, полные слез... Армия идет, уходит и мать, а малютки остались... Протянули ручонки, кричат, еще не понимают того, что скоро умрут с голоду. Исступленная простоволосая мать, восковая, дрожащая, уходит за скалы - все дальше, все дальше. Отойдет, остановится, посмотрит на малюток, закроет руками лицо - и дальше... А потом снова встанет и снова смотрит, а слезы падают на скалистый грунт... Так и ушла... Малютки остались под откосом с простертыми ручонками, с наплаканными глазами.

За перевалом идут красноармейцы. Те, которым дальше не под силу, больные и раненые, садятся отдохнуть и остаются - им уж никогда больше не догнать ушедших далеко вперед...

Лошадиные трупы, плачущие малютки, беспокойные курицы, телеги с добром, больные красноармейцы - все остается по пути, погибает медленной неизбежной смертью... Справа море, слева скалы, сзади свирепые казаки, а впереди - впереди не догнать ушедших товарищей.

За перевалом, по каменному грунту, уходят вдаль красноармейцы...

25 марта 1921 г.